

Ершов Богдан Анатольевич

СЕМЕЙНЫЕ ОСНОВЫ ЖИЗНИ СЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙВ ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XIX ВЕКЕ

В статье рассматривается семейная жизнь священнослужителей в губерниях Центрального Черноземья в XIX веке. Показано, что развитие семейно-брачных отношений в семье священника в XIX веке регулировалось в значительной степени нормами христианской морали.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. II. С. 68-71. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

3. Бондарь А. В. Основоположения и главные проблемы социальной философии техники инженерии. Хабаровск, 2001. 210 с.
4. Вартофский М. Модели: репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988.
5. Лефевр В. А. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003. 426 с.
6. Лефевр В. А. Формула человека: контуры фундаментальной психологии. М.: Прогресс, 1991. 108 с.
7. Стерледева Т. Д. Вызовы современности и философия // Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО / Кыргызско-Российский славянский университет; под общ. ред. И. И. Ивановой. Бишкек, 2004. С. 164-172.
8. Стикс Г. Турборазгон // В мире науки. 2009. № 12. Декабрь.
9. Столярова О. Е. Инструментальный реализм Д. Айди // История философии. М.: ИФ РАН, 2000. Вып. 5.
10. Фишман Дж. Чудо биоинженерии // National Geographic. 2010. Февраль.
11. Юдин Б. Г. Медицина и конструирование человека // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1.
12. Ihde D. Listening and Voice: Phenomenologies of Sound. Albany: SUNY Press, 2007.

“HUMANITY PLUS” AND HIGH TECHNOLOGIES

Marina Anatol'evna Dedyulina, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Department of Philosophy
Technological Institute of South Federal University in Taganrog
Ded@tagan.org.ru

In this article the author researches the role of technological mediation in a human's life, gives the definition of a “human plus” and reveals how high technologies can help rehabilitate handicapped people.

Key words and phrases: technological mediation; “human H+”; high technologies; trans-humanism.

УДК 2:947.07/08(471.324)

В статье рассматривается семейная жизнь священнослужителей в губерниях Центрального Черноземья в XIX веке. Показано, что развитие семейно-брачных отношений в семье священника в XIX веке регулировалось в значительной степени нормами христианской морали.

Ключевые слова и фразы: церковь; духовенство; епархия; брак; монахиня.

Богдан Анатольевич Ершов

Кафедра истории и политологии

Воронежский государственный технический университет

bogdan.ershov@yandex.ru

СЕМЕЙНЫЕ ОСНОВЫ ЖИЗНИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XIX ВЕКЕ[©]

В православном богословии есть сфера, о которой мало говорится, а значение данной области и трудности, с нею связанные, очень велики. Это - область семейной жизни. Поэтому и надо, прежде всего, уяснить себе различия во взглядах на эту сторону жизни у православных. Брак лиц духовного звания связан у православных особыми строго регламентированными каноническими постановлениями и возможен только до посвящения в священные степени. После хиротонии священник жениться не может. Поэтому для человека духовного сословия выбор спутницы жизни крайне ограничен во времени, как правило, это годы учебы, по окончании которой он уже становился диаконом. Либо он успевал найти будущую матушку, либо всю жизнь сохранял одиночество.

Развитие семейно-брачных отношений в семье священника в XIX веке регулировалось в значительной степени нормами христианской морали. Согласно церковной концепции, между священником, находящимся в состоянии безбрачия, и Богом не стоит семья, таким образом, он может полностью посвятить себя служению Богу, его не связывают интересы семьи. В монашество шли по исключительному призванию к жизни уединенной, или миссионерской, или общежительной. Подробную картину рисуют следующие описания «ухода в монастырь» из нескольких селений Орловской губернии, сделанные в 1898 году местной жительницей. «Два мальчика пошли в монастырь Белые Берега помолиться Богу, им так понравилось там, что они захотели было расстаться с домом и поступить в обитель, но родители строгими мерами удержали их при себе». Подобное испытал и другой подросток, который вообще «задумал идти в монастырь на Святую гору Афон. Родители не хотели его отпускать, молодой человек (Якову 17 лет) начал тосковать и наложил на себя обет молчания», а также практически перестал употреблять пищу.

В результате «родители обещали его отпустить, но только чтобы он подождал два года, пока окрепнут его силы». Значительно более настойчивой оказалась девушка, поскольку «поступила в Болховский монастырь против желания родителей, которые думали ее выдать замуж, но она ни за что не хотела замуж, а оставаться в миру девицей боялась, ведь будут упрёки и насмешки».

Другая монашка жила в одной «зачиточной семье», выросла «одна у матери дочка» Акси́нья: «тихого нрава и слабого здоровья», в период учебы в сельской школе «ей попала книга о Печерских угодниках», примеру которых она решила следовать, в том числе «перестала носить красивые наряды, которые у нее были в изобилии». Вскоре она «решила идти в монастырь, идя наперекор своей матери, которая хотела ее выдать замуж и уже приготовила ей хорошее приданое. Но Акси́нья сбежала. Она ходила в монастыри, но везде без вклада не брали, наконец, отец, видя ее настоятельное желание поступить в монастырь, пообещал внести за нее вклад. После этого она отправилась в Клоев монастырь Кромского уезда Орловской губернии, где ей понравилось, потому что все занимались обработкой земли, принадлежащей монастырю, который находился вдали от города и селений. В этом монастыре и осталась», после чего отец «внес» туда 80 рублей в виде вклада [1, д. 1140, л. 20-21].

Одной из основных функций семей священнослужителей была забота о нетрудоспособных родственниках. Функция эта сохранялась на протяжении всего изучаемого периода. Несколько нивелировалась она только к концу XIX века с совершенствованием системы церковных и государственных учреждений социальной защиты: попечительств, пенсионных и эмеритальных касс. В первой же половине XIX века забота о престарелых родителях, несовершеннолетних братьях и сестрах, племянниках, оставшихся без родителей, лежала полностью на плечах старшего представителя рода служащего в какой-либо церкви. Или же, если не было такового, за призреваемым закреплялось место умершего кормильца. Например, если это была вдова, то тот человек, который поступал на место её умершего мужа, обязан был выплачивать вдове половину доходов, получаемых им. Если же место занял зять, то он должен был содержать свою тещу. При сравнении источников содержания вдов и сирот за 1852 год в городе Моршанске Тамбовской губернии получается следующая картина: в 1852 году только 4 жили на средства, даваемые попечительством о бедных духовного звания, остальные 15 - на содержании своих родственников или собственным трудом.

В Воронежской губернии были также обнаружены факты заботы детей священнослужителей о своих родителях. В 1822 году в Воронежскую духовную консисторию было направлено покорнейшее прошение епископа Тамбовского и Шацкого о принятии на службу в Воронежскую епархию священника Тамбовской епархии Василия Дмитриева. В прошении было изложено, что по старости священник Тамбовской епархии Василий Дмитриев уволен из Николаевской церкви, и священнику дозволено пребывать в городе Старобельске у его сына протоиерея Покровского собора Михаила Дмитриева. В связи с трудностями переездов в другую область священник просил о возможности числиться при Воронежской епархии и проживать в доме у своего сына Михаила Дмитриева. Воронежская духовная консистория постановила, что дозволяет священнику Василию Дмитриеву с его женою жить в Воронежской епархии в городе Старобельске. Кроме того, сказано, что священник должен письменно извещать о себе в Тамбовскую епархию [2, д. 1612, л. 1-2]. С вопросом брака священника в православии связан ряд требований канонического характера, удовлетворение которых считается обязательным. Хотя они и относятся к области церковно-правовой дисциплины, все же упоминание о них может иметь интерес и в настоящем контексте. Священник не может быть женат на иноверной, дом его должен быть православным, дети его не должны быть сочетаемы браком с еретиками, сама супруга священника не может быть ни вдовой, ни актрисой. В случае неблаговидного поведения жены священника он должен или развестись с нею или быть расстриженным. Нужно отметить, что среди мужчин духовного сословия практически не было женатых повторно. Это объяснялось тем, что церковные власти запрещали священникам жениться вторично. «Попы и дьяконы могли жениться только один раз. Запрещался овдовевшему попу второй брак» [4, д. 1001, л. 2]. Среди священников были все же те, кто был женат вторым или даже третьим браком. Причем последних не так много. В 1877 году в селе Сосновец Козловского округа Тамбовской губернии пономарь был женат 3-й раз, его возраст 27 лет [3, д. 1792, л. 71].

Правовой статус женщины из духовного сословия определялся положением ее мужа на церковной служебной лестнице, так как после замужества, несмотря на прежнюю сословную принадлежность, женщина автоматически возлагала на себя обязанности «представителя церковного ведомства». Женщины из иных сословий, выйдя замуж за священника, автоматически включались в церковную иерархию и безоговорочно возлагали на себя некоторые специфические тяготы «представителя церковного ведомства». Верхнюю ступень здесь занимали супруги старших священников - протоиереев (бытовое именование - протопопицы) и священников - настоятелей приходов. Затем следовали дьяконицы и псаломщицы - с попадьями их путать не полагалось.

В дореволюционной России участь среднего православного священника, особенно сельского, была незавидной. Его жене приходилось очень трудно. Основная ее функция - деторождение и воспитание детей. Приходилось также заниматься хозяйством и помогать мужу. Подлинные трагедии разыгрывались после смерти мужа-священника, обычно единственного кормильца многочисленного семейства. После смерти священника Андрея Павлова опекунов над его дочерью священнику Льву Пантелеймонову оформить не удалось вследствие того, что дочь умершего священника выдана замуж, а других детей не осталось [2, д. 1739, л. 6]. В 1811 году умер дьякон слободы Баранниковки Старобельского уезда Порфирий Макаровский. После его смерти осталась жена Татьяна Кирилова и дети Евдокия, Пелагея, Михаил. Воронежская духовная консистория постановила определить детей на воспитание к родственникам умершего. Данное постановление поддержал Епифаний, епископ Воронежский и Черкасский [Там же, д. 1293, л. 3].

Характерно, что положение женщины в семье в значительной степени определяло и отношение к ней со стороны окружающих. Неизменное уважение встречали те, кто «оказывались на виду» в приходе: обучали детей грамоте или церковному пению, заведовали похоронными кассами или иными попечительскими делами. Ясно, что положение женщины было во всех отношениях социально рискованным - раннее замужество, частые роды, непрерывный домашний труд, болезни, семейные неурядицы изнурили ее не меньше, чем любую крестьянку. Если семейная жизнь неожиданно завершалась вдовством, то бедную женщину ожидала в дальнейшем нескончаемая череда унижений: выхлопотать хоть самое ничтожное казенное содержание, ухитриться доучить детей, суметь сохранить право проживания в казенном поповском доме. Несмотря на то, что еще с екатерининских времен стал формироваться фонд для поддержки семейств духовенства, а с 1866 года по всем епархиям был установлен особый сбор для его пополнения, помощь овдовевшим попадьям и их детям оказывалась незначительной и нестабильной.

В принципе вдова могла получать от 65 до 90 рублей в год - по крестьянским понятиям это немало. Но вот только срок выплаты пенсионера устанавливался короткий, приходилось вновь и вновь хлопотать о его продлении. Архивы сохранили немало сведений об этом. Права же на наследство и различного рода материальную помощь строго регламентировались Синодальным управлением. В таких случаях семьи умерших священников и церковнослужителей могли пользоваться пенсиями и единовременными пособиями, но не всегда закон был на их стороне. Право на получение денег предоставлялось при увольнении со службы штатным священникам и псаломщикам, а после их смерти вдовам и детям. Размеры пенсий зависели от размера оклада по занимаемой должности (благочинный, псаломщик, ключник, пономарь и т.д.), духовного чина (дьякон, иерей, протоиерей и т.д.) и статуса духовного заведения (кафедральный собор, церковь в уезде, приписная церковь и т.д.). Вдове умершего священника или псаломщика пенсия назначалась в размере 50% от годовой пенсии мужа. Вдовы с детьми имели право на пенсию: 50% вдове, а детям по 1/3 части другой половины «на каждого сына или дочь», если осталось без отца три малолетних ребенка, то выплачивалась полная пенсия. Малолетние дети, оставшиеся без матери после смерти отца, получали по ¼ части от оклада каждый. Если их было больше четырех, то пенсия делилась на части, в соответствии с количеством детей, что было невыгодным. Система правовой регламентации жизни женщины духовного сословия была далеко не совершенной и зачастую неспособной обеспечить нормальные условия для существования жен и детей духовного звания.

К середине XIX века обучение дочерей духовенства ограничивалось не только домашним обучением, где учили основам чтения и письма, но и воспитанием в приютах и женских монастырях, где главное внимание уделялось в основном освоению различных рукоделий. В это время разница в уровне и содержании образования мужа и жены в семье священника стала восприниматься как негативный фактор, влияющий на отношения между членами семей духовного сословия. Церковные власти всерьез озаботились этой проблемой. Выходом из ситуации сочли получение среднего образования девочками из семей духовенства. С 1843 года стали открываться женские епархиальные училища. Одно из таких училищ было открыто в 1869 году в Курской губернии при Курском Свято-Троицком женском монастыре. Учителя в нем были с высшим образованием, число же учащихся не превышало 30 девочек. Обучались в нем преимущественно дети духовенства. В 1888 году училище было причислено к церковно-приходским школам. Училище помещалось в каменном доме внутри монастыря и состояло из 2-4-х классов. В 1890 году в училище в 1 классе находилось 15 воспитанниц. За право учения воспитанницы ничего не платили. Незначительную сумму - 10 руб. в месяц - они платили за помещение (кельи), за содержание их и за уход за ними. Училище находилось под наблюдением настоятельницы монастыря игуменьи Софьи, а ближайший надзор за воспитанницами осуществляла монахиня Алевтина, получившая воспитание в Московском воспитательном доме. Она же обучала детей рукоделию. На содержание училища в 1890 году было потрачено 465 рублей [5, с. 228-232].

По данным статистики, которая содержится в «Справочной книге для духовенства Воронежской епархии за 1900 год», сказано, что в 1857 году в Воронежской губернии было в общем числе белого духовенства священнослужителей штатных и семейных 8514, заштатных семейств и сиротствующих 1769. К семейным священнослужителям принадлежало 11228 душ обоего пола. При церквях в губернии было 750 семейных священников, в том числе, в городах 49 и 701 в селениях [6, с. 115]. К 1911 году общая численность женского православного монашества в Тамбовской губернии составляла 4060 человек, Курской - 2797. На 16,6% монахинь приходилось 83,4% послушниц, что свидетельствует о замедленности перехода последних в официальный статус монашествующих. Это являлось удобным социальным положением, которое позволяло в любой момент поменять свою принадлежность к тому или иному слою населения и тем самым давало почувствовать свободу личности каждой из насельниц.

Подводя итог, можно отметить, что семейный статус священнослужителей в губерниях Центрального Черноземья изменялся с эволюцией типов российской семьи, однако имел свои особенности. Особая роль семьи - «домашней церкви» в христианской культуре - заключалась в исполнении исконной функции - духовно-нравственном воспитании детей, где чтения молитв и богослужебных уставов играли важнейшую роль. Задача духовного «оформления» семьи советами, любовью, указаниями, вниманием, сочувствием и пониманием современных нужд - самая главная задача церковного труда в наше время.

Список литературы

1. Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. Этнографическое описание Орловской губернии.
2. Государственный архив Воронежской области. Ф. И-84. Оп. 1.
3. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 181. Оп. 1.
4. Государственный исторический архив Москвы. Ф. 203. Оп. 746.
5. Курские епархиальные ведомости. 1891. № 14. С. 228-232.
6. Справочная книга для духовенства Воронежской епархии на 1900 год. Воронеж, 1900. 223 с.

**FAMILY FOUNDATIONS OF CLERGYMEN'S LIFE
IN CENTRAL CHERNOZEM'E PROVINCES IN THE XIXTH CENTURY**

Bogdan Anatol'evich Ershov

*Department of History and Political Science
Voronezh State Technical University
bogdan.ershov@yandex.ru*

The article tackles clergymen's family life in Central Chernozem'e provinces in the XIXth century. It is shown that family-marriage relations development in a clergyman's family in the XIXth century was to a considerable degree regulated by Christian morality norms.

Key words and phrases: church; clergy; eparchy; marriage; nun.

УДК 94(470.5)+323.11

Анализируется динамика национального состава уральских городов под воздействием промышленной модернизации края конца 1920-х-1930-х гг.

Ключевые слова и фразы: историческая демография; городское население Урала; национальный состав; нация; переписи населения; этнос.

Вера Анатольевна Журавлева

*Кафедра социально-правовых и гуманитарных наук
Южно-Уральский государственный университет
zhuravlvera@yandex.ru*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В 1920-1930-Х ГОДАХ[©]

В Советском Союзе как многонациональной стране особое значение придавалось национальному вопросу. В рамках его решения обозначились две основные тенденции: развитие и расцвет всех наций и народностей и их постепенное сближение и слияние в новую историческую и социальную общность людей, в дальнейшем получившую название «советский народ». Но процесс формирования новой общности был длительным, поэтому важную роль в жизни советских людей продолжали играть национальные факторы, что в настоящий момент вызывает необходимость тщательного изучения национальной структуры населения как в целом СССР и субъектов его федерации, так и отдельных административно-территориальных единиц. Это и определило тематику исследования. Хронологический период выбран не случайно. В 1920-1930-е гг. в стране происходили коренные изменения во всех сферах жизни общества, которые не могли не сказаться на демографических характеристиках регионов, в том числе и городов, зафиксированных переписями населения обозначенного периода.

Изучению этнодемографических структур советского социума посвящены как общероссийские работы [6, с. 74-88; 7, с. 72-93; 13, с. 113-129, 379-392], так и исследования уральских ученых [1, с. 559; 11, с. 226-235; 12, с. 108-117; 18, с. 32-40]. Вместе с тем, национальный состав городского населения Урала в 1920-1930-е гг. все еще не стал объектом самостоятельного изучения. В данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел.

Исследование ведется в рамках Уральской области, образованной в 1923 г. на основе Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерний. В дальнейшем данная административно-территориальная единица претерпевала многочисленные преобразования, что затрудняет сравнение итогов переписей 1920-1930 гг. относительно национального состава городского населения региона.